

К ПРОБЛЕМЕ МНОГООБРАЗИЯ ДРУГОГО В СТАНОВЯЩЕМСЯ ПРОСТРАНСТВЕ ИНКЛЮЗИИ

ON THE PROBLEM OF THE VARIETY OF THE OTHER IN THE EMERGING SPACE OF INCLUSION

N. Sudakova

Summary. The paper is devoted to the cultural and philosophical analysis of the diversity of the Other's images, presented in the context of the inclusion culture formation in the modern world, asserting the value of each person for the entire human community. The problem of Other's, primarily disabled, gifted, ethnically different person's integration into society is actualized. The authors actualize the issues related to the fact that the problem of man's alienation in the modern society, where a significant place is given to the marginalised, including gender one, is really urgent. The author emphasizes the dialogical grounds of the inclusion phenomenon, where any "drop out" of society impoverishes both the isolated person and the society itself, since the comprehension of the existence of the Other allows each person to discover additional possibilities of "extrability" reality. The importance of promoting inclusive morality for the entire human community is explained.

Keywords: culture, inclusion, Other, complicit being, people with disabilities, gifted, marginality, gender.

Судакова Наталья Евгеньевна

*К.п.н., Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
sovetsnik.imtp@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена культурфилософскому анализу многообразия образов Другого, рассматриваемых в контексте становления в современном мире культуры инклюзии, которая утверждает ценность каждого человека для всего человеческого сообщества. Актуализируется проблема встраивания в социум Другого как человека с ограниченными возможностями здоровья, одарённого, этнически Другого. Проводится осмысление вопросов, связанных с актуализацией в современном обществе проблемы отчуждения человека, причём значимое место отводится маргинальности, в том числе гендерной. Акцентируются диалогические основания феномена инклюзии, связанные с тем, что любое «выпадение» из социума обедняет как выпадающего, так и сам социум, поскольку постижение бытия Другого позволяет каждому человеку открыть для себя дополнительные возможности реальности «экстрабилити». Делается вывод о важности утверждения инклюзивной морали для всего человеческого сообщества.

Ключевые слова: культура, инклюзия, Другой, соучастное бытие, люди с ОВЗ, одарённый, маргинальность, гендер.

Прежде чем вынести взгляд, не отражающий в себе образа нашего «Я», «Я» должно закалить свой взор созерцанием «ты». Другой человек является связующим звеном между мною и миром. Я завишу от мира и сознаю эту зависимость, ибо сперва я чувствую свою зависимость от другого человека.

Л. Фейербах

Реальность Complexity (С. Хокинг) постоянно трансформируется, что наиболее заметно в социокультурной жизни общества. Устойчивые ценностные основания, вступая в противоречие с «нетрадиционными ценностями постцивилизационного глобального мира» [9, с. 65], требуют от человека возвращения способности к непрекращающемуся личностному развитию, в ходе которого необходимость воспринимать себя частью «более широкого множества» [2, с. 7] значимо актуализируется.

Серьёзно обостряются межличностные и межцивилизационные конфликты, в первую очередь социокультурные, в которых возрастающая оппозиционность

повышает спрос на выработку механизмов её преодоления. В данном контексте всё активнее проявляет себя одна из самых значительных проблем философии — важность постижения сущности Другого для гармоничного включения в социальный контекст. Сегодня данная проблема поворачивается к исследователю новыми гранями при осмыслении феномена инклюзии.

Инклюзия в её первоначальном понимании явилась ответом на осознание дискриминационных тенденций социального существования личности. В первую очередь данные тенденции были обращены к людям с какими-либо нарушениями в области здоровья. Сегодня мы наблюдаем изменение общественного сознания в сторону понимания негативного характера социальной эксклюзии, имеющей отрицательное влияние не только на жизнедеятельность людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), но и на развитие общества в целом. Но данные характеристики применимы далеко не ко всем сообществам; отношение к людям с ОВЗ в разных странах и в разных культурах по-прежнему остается крайне неоднородным. Именно аксиологическая составляющая человеческого бытия в разных сообще-

ствах, обусловленная их социокультурными ориентирами, и сегодня определяет степень социальной включённости любого человека, в том числе человека с ОВЗ.

Понимая пространство инклюзии как пространство соучастного Бытия [14, с. 60], «где каждый из членов социума, являя миру свою уникальную сущность, становится неотъемлемой частью общего целого» [13, с. 34], мы неотвратно устремляемся к постижению диалогичных миров М. Бубера, в которых торжествует гуманизм, выражая себя потребностью слушать и слышать любого Другого, в которых есть место и человеку, и Богу, в которых творческая потенциальность человека проявляет себя наиболее полно, в том числе поэтически [4]. Мы углубляемся в мыслетворчество М. М. Бахтина, развёртывающего перед нами Бытие в Другом, и «доверие к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, согласие, его бесконечные градации и оттенки (но не логические ограничения и не чисто предметные оговорки), наслаивание смысла на смысл, голоса на голос, усиление путем слияния (но не отождествление), сочетание многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание и т.п.» [3, с. 300] рождают, очевидно, новое пространство диалогопотенцирующей реальности инклюзии. Эта реальность формировалась ещё со времен Диалогов Платона, в которых человек, встречаясь с сущностью самого себя в Другом, присваивает себе ценности инклюзии.

Традиционность бинарной оппозиции Я — Другой обусловлена двоичностью человеческой природы, в том числе, гендерной. Лишь в совместном существовании мужчины и женщины возможно воплощение человека. Совместность есть базовая категория бытия человека, однако врождённая оппозиционность настолько же безусловна, а потребность в их дополнительной порождает движение, которое стимулирует развитие человеческой цивилизации.

Мир не совершенен, а потому в процессе его развития всегда находится тот, кто «выпадает». Обедняет ли этот факт само пространство бытийствования? Сужает ли рамки постижения человеческой реальности? На этот вопрос вполне конкретно отвечает Л. Фейрбах: «Между мною и другим, — а другой есть представитель рода, и, даже будучи один, он заменяет мне потребность во многих других, имеет для меня универсальное значение, является как бы уполномоченным человечества и говорит мне, одинокому, как бы от его имени, поэтому я даже в обществе одного лица веду общественную, человеческую жизнь, — между мною и другим имеется существенное, качественное различие. Другое есть мое “Ты” — хотя это относится к обеим сторонам — мое второе “Я”, объективированный для

меня человек, мое вскрытое внутреннее “Я”, око, видящее самого себя» [15, с. 151]. Очевидно, что процесс постижения Другого способствует обретению картины мира человека завершённости. А потому, несомненно, любое выключение человека из социального контекста делает беднее как его самого, так и социум, поскольку только в процессе диалога рождается и обретает свою индивидуальность сам человек, а, значит, происходит становление всего человеческого сообщества.

Термин «инклюзия», достаточно долго отождествлявшийся с преодолением дискриминации в области образования людей с ОВЗ, презентует нам сегодня Другого в разнообразных контекстах. Понятие инклюзии постепенно преодолевает свою устоявшуюся коннотацию в сторону признания значимости каждого, в том числе любого Другого человека, для развития всего человеческого сообщества. При этом проблема Другого как человека с ОВЗ с каждым её обсуждением всё более актуализируется. Рассуждая о Другости человека с ОВЗ, мы говорим о безусловно Другом, о другой форме бытия, обусловленной разными формами ограничения даже физиологически. Исключение человека с ОВЗ из общественной жизни, его обесценивание ограничивает человеческое сознание, поскольку лишь встречаясь с его сущностью, человек познаёт ценность своего воплощения, полного безграничной красочной реальности. Об этом очень точно говорит Э. Гуссерль: «“Своеобразный опыт Другого”, децентрируя Я субъекта, открывает ему не только Другого, но и самого себя как Другого по отношению к другому субъекту» [5, с. 255–256]. В данном контексте философ напоминает нам о том, что собственная культура является приоритетом для любого человека, а осмысление опыта культурной жизни Другого позволяет ему глубже проникнуть «в чуждое для меня культурное человеческое сообщество и в его культуру» [Там же].

Только в ходе встречи с такого рода Другим, в процессе проявления собственной душевной чуткости, человек ощущает глубинную потребность в поддержке как себя, так и Другого, раскрывает в себе способности к развёртыванию «экстрабилити» (О. Б. Колпащиков) [7], позволяющей ему погрузиться в «мир дополнительной реальности». В данном контексте по-новому осмысливается результат торжества гуманистических ценностей, состоящий в становлении инклюзивной культуры в современном мире и в появлении значимых изменений в жизни человека с какими-либо нарушениями в развитии — человека, которому на протяжении тысячелетий была уготована весьма незавидная судьба. В результате «впервые в истории человеческой цивилизации можно констатировать, что политики и государственные деятели, учёные, писатели, пред-

ставители родительской и педагогической общественности ведут открытый диалог о проблемах инвалидов, о нуждах людей с ОВЗ, о том, что каждый человек — это «врата» к пониманию себя и Вселенной» [12, с. 92].

Начав осознавать значимость инклюзивных ценностей Бытия, человечество по-новому трактует предназначение личности, открывая для себя новые смыслы её воплощения. Именно постижение реальности человека с ОВЗ позволяет современному обществу расширить границы понимания возможностей человека. Сегодня, когда нашему пониманию открываются перспективы развития людей с ОВЗ, когда уже можно рефлексировать как событие результат устремлённости к соучастному Бытию широкого круга неравнодушных людей — воплощённую, в том числе творческую, жизнь таких людей, как наш выдающийся современник Александр Васильевич Суворов¹, потерявший слух и зрение до достижения им девятилетнего возраста, но сумевший реализовать своё поистине инклюзивное предназначение, в том числе как учёный, — мы можем констатировать духовное взросление человечества, осознающего ценность каждого. Отзываясь глубоко внутри острой болью, пробуждая в нас истинно человеческое, звучат в инклюзивном пространстве соучастного Бытия стихи А. В. Суворова, которым, родившись он веком раньше, не суждено было бы «быть»:

*Вновь клонюсь, как неваляшка, набок.
Снова — нечем крыть.
Господи, прости меня за слабость,
Нежеланье жить.
Я брезглив. Кругом — вонючий мусор.
Хоть бы — за черту...
Господи, прости меня за трусость
И за тошноту.
Восхищаются неумолимо
Мужеством моим...
Господи, прости меня за мнимость.
Нет огня — лишь дым.*

¹ Александр Суворов — выпускник факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор, Почётный международный доктор гуманитарных наук Саскуаханского университета (штат Пенсильвания, США), действительный член Международной академии информатизации при ООН. Рыцарь Свердловского областного Детского ордена милосердия (1993), лауреат Всероссийского конкурса «Добрая дюжина» (1994), кавалер Золотой медали имени Льва Толстого Международной ассоциации детских фондов (1997). Награждён памятной медалью, посвященной международному году добровольцев, учрежденному Генеральной Ассамблеей ООН (2002). В 2004 году в связи с девяностолетним юбилеем Психологического института РАО награждён медалью I степени имени Г. И. Челпанова. В 2009 году по ходатайству некоммерческого благотворительного просветительского фонда содействия реабилитации детей с особенностями развития «ВИТА» награждён орденом Буратино «за верность идеалам детства, мужество, упорство и доброту, проявляемые на протяжении всей жизни...» // РИА Новости. 13.11.2009. <https://ria.ru/20091113/193205102.html>.

*Я сгорел. Горящим не по праву
Всё ещё слышу...
Господи, прости меня за славу.
Дай склонить главу.
Сколько до Голгофы мне осталось
Тяжкий крест нести?..
Господи, прости мою усталость
Посреди пути [11].*

Стихи написаны 5 января 2000 года, перед Рождеством, в храме Сретения Господня как исповедь отцу Владимиру Архипову после смерти горячо любимой матери автора. Обладая тонкой душевной организацией, потребностью помогать и сопереживать Другому, А. В. Суворов посвятил свою жизнь, полную титанического преодоления, созданию условий для диалога между слепоглухими и «зрячеслышашими».

Несомненно, осмысление многих аспектов проблемы бытия Другого как человека с ОВЗ ещё только предстоит осуществить. Но уже сегодня вполне очевидно, что застывшие в веках воззрения античных «гигантов человеческой мысли» о том, что люди с нарушениями развития не могут быть полноценными, актуальны до сих пор. И у взглядов Аристотеля о том, что «ни одного калеки ребёнка кормить не следует» [6, с. 7], есть современные приверженцы.

Действительно, античный мир оставил в столетиях не только свои достижения, не только великие открытия, но и жизнеописания Плутарха, содержащие подробности уничтожения больных детей сразу после рождения: «Воспитание ребёнка не зависело от жизни отца, — он приносил его в “лесху”, место, где сидели старейшие члены филы, которые осматривали ребёнка. ...Слабых и уродливых детей кидали в пропасть возле Тайгета» [10, с. 108]. Не менее дико звучат сегодня средневековые представления о сверхъестественной природе врождённых анатомо-физиологических нарушений человека. Данные стереотипы предопределили характер восприятия обществом человека с разными формами инвалидности на многие века. Тем ценнее сегодня тот факт, что современное общество повернулось лицом к проблемам людей, так долго исключённых из полноценной жизни. Тем ценнее появление инструментов инклюзии как высокотехнологического, так и социокультурного характера. Осмысление бытия человека с ОВЗ открывает нашему современнику многие неизведанные ранее грани его способностей, но говорить о том, что это осмысление уже состоялось, пока не приходится.

Не менее значим для общества образ Другого, который обладает выдающимися способностями, — образ одарённого человека как творца, являющего нам свои уникальные мысли по преобразованию мира.

Его взгляд на мир априори «особливый», а значит полный инклюзивной сущности. Но репрезентация этого взгляда миру не всегда адекватно воспринимается современниками одарённого человека, что способствует становлению разных форм конфликтности, в том числе внутренней. Его потенциальные способности к преобразованию действительности и воспитание в нём ответственности перед социумом являются значимыми вопросами становления инклюзивной культуры. На передний край инклюзии выходят проблемы Другого, который является одарённым человеком и одновременно имеет какие-либо ограничения в области здоровья.

Культура инклюзии предполагает также восприятие Другости человека, который выпадает из социокультурного контекста, — обладателя маргинальности. В ракурсе становления молодёжных субкультур проблематика отчуждения особенно актуализируется, чему способствует возможность субкультур влиять на умы подрастающего поколения и формировать у молодёжи потребность отвергать социальные нормы в разных, в том числе крайне агрессивных формах. Маргинальность подростка, очевидно, обусловлена становящейся у него потребностью осознавать себя отдельной социальной единицей, которая имеет право на своё Другое Я. Маргинальность значительно расширяет инклюзивный потенциал преодоления оппозиции Свой — Чужой, стремительно растущей в современном информационном пространстве.

В контексте становления принимающего общества, которое исповедует инклюзивные ценности, проблема поиска себя и своего места в нём человеком, находящимся на стыке устойчивых страт и утратившим способность «встроиться в социальный контекст», актуализирует новые вопросы. Так, например, перед нами оказывается гендерно Другой, проявленный в том числе маргинально [1]. Н.В. Антонова дефинирует его с позиции устойчивого неприятия своего биологически обусловленного гендера, как психического, так и социального характера. Осознание своей «инаковости» может вести личность как к попыткам соответствовать гендерным нормам, так и к их отторжению. Приятие или отвержение данного Другого обусловлено социокультурными особенностями общественного развития, в первую очередь тем, что культуры Запада и Востока проявляют себя в этом вопросе диаметрально противоположно. Так или иначе, данный научный дискурс значительно расширяет проблематику инклюзии, требуя от общества незамедлительной рефлексии обозначенных ракурсов.

Рассуждая об инклюзии, мы, несомненно, исследуем человека как носителя другой культуры, а, следовательно

но, этнически и лингвистически Другого. Понимание и приятие Другого каждым членом современного общества затруднено, но также очевидно следующее утверждение: «Другой — это не обязательно чужой, пришедший издалека. Другим оказывается и сам человек — для себя, надевающий маску для достижения определённых целей и нередко являющий кажимость личного бытия» [16, с. 7].

Полностью раскрыть образ Другого во всех обозначенных контекстах очень сложно даже в рамках масштабных научных исследований. Лики Другого многообразны, каждый контекст уникален, постижение их требует времени. Но данное исследование и не ставит перед собой такой задачи. Поскольку важен, как и в любом другом инклюзивном подтексте, не результат, который очень быстро выходит из употребления в современной реальности Complexity, а сам процесс данного развёртывания. Важен непрекращающийся диалог с Другим, который обусловлен стремлением к пестованию частного Бытия.

Намечая для себя дальнейшую перспективу рефлексии многообразия Другого, заметим, что потребность в развёртывании инклюзивной морали в современном обществе является результатом осознания того, что «будущее человечества возможно лишь в контексте утверждения ценностей и идей гуманизма, через преодоление как внутреннего дисбаланса личности, так и отсутствия равновесия между человеком и природой, в процессе социального взаимодействия, через осмысление и принятие “чужести”, “особливости”, непохожести и нестандартности бытия Другого» [12, с. 17]. Сегодня данное явление достигает своего апогея, поскольку «речь идёт об осознании человеком собственной принадлежности к определённой общности, пронизывающем все его индивидуальное и общественное бытие» [2, с. 13].

Именно человек как субъект инклюзии определяет собой всю полноту философской рефлексии. Акцентируя внимание на ценностных основаниях человеческой жизни, стоит задуматься о том, что человек когда-нибудь «может быть устранён как деструктивный элемент стройной космической цепи» [8, с. 313], где «целое Живого Мироздания отображается, воспроизводится, восстанавливается в параметрах живых частей, звеньев и нормирует их» [Там же, с. 310]. Данные выводы приводят нас к осознанию ценности воплощения человека как вида, которая становится ещё более очевидной с развитием человеческой цивилизации. Осознание значимости человека, очевидно, требует более глубокого осмысления проблематики встраивания в сообщество Другого во всём разнообразии контекстов, в которых происходит его репрезентация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, Н.В. К определению понятия «гендерная маргинальность» [Текст] / Н. В. Антонова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 3 (31). С. 71–73.
2. Астафьева, О. Н. Многомерные конфигурации коллективных идентичностей: теоретические основания исследования [Текст] / О. Н. Астафьева // Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления: Коллективная монография / Под общ. ред. А. Ю. Шадже и Е. С. Куквы. М.: Российское философское общество. Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. С. 4–26.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. 423 с.
4. Бубер, М. Я и Ты [Текст] / М. Бубер. М.: Высшая школа, 1993. 175 с.
5. Гуссерль, Э. Картезианские размышления [Текст] / Э. Гуссерль. СПб.: Наука, 2001. 311 с.
6. Дьячков, А. И. Воспитание и обучение глухонемых детей: Историко-педагогическое исследование [Текст] / А. И. Дьячков. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. 348 с.
7. Колпащиков, О. Экстрабилити [Электронный ресурс] / О. Колпащиков. — Режим доступа: <http://extrability.org/about/extrability/> (дата обращения: 02.11.2018).
8. Малов, И.Ф., Фролов, В. А. Вокруг и в нас трепещет пульс Вселенной [Текст] / И. Ф. Малов, В. А. Фролов // Бюллетень Специальной астрофизической обсерватории РАН. 2006. Т. 60–61. С. 306–313.
9. Мишучков, А. А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире [Текст] / А. А. Мишучков // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 65–71.
10. Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2-х т. / Плутарх. М., 1987. Т. 1. 589с.
11. Суворов, А. В. Исповедь [Электронный ресурс] / А. В. Суворов. — 05 января 2000 г. В сб.: Достоинство в склепе. С. 160–161. Режим доступа: <http://avsuvorov.ru/erub/books/5.pdf> (дата обращения: 02.11.2018).
12. Судакова, Н. Е. Инклюзия в поле зрения философской антропологии: на пути к приятию Другого Себя как Другого [Текст] / Н. Е. Судакова // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. С. 91–93.
13. Судакова, Н. Е. Инклюзия в системе универсалий культуры: самоценность Другого в становлении Соучастного бытия [Текст] / Н. Е. Судакова // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 3(35). С. 32–38.
14. Судакова, Н.Е., Сапельников, Д.С., Попова, М. В. Творчество в контексте культурфилософского осмысления и педагогического моделирования мировоззрения личности: Монография [Текст] / Н. Е. Судакова, Д. С. Сапельников, М. В. Попова. М.: Буки Веди, 2016. 184 с.
15. Фейербах, Л. Сущность христианства [Текст] / Л. Фейербах // Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1995. Т. 2. 425 с.
16. Яковлева, Е. Л. Проникая в миры инклюзии [Текст] / Е. Л. Яковлева. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. 224 с.

© Судакова Наталия Евгеньевна (sovetnik.imtp@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ